

С.А.ПЛЕТНЕВА

ВСПОМИНАЯ М.И.АРТАМОНОВА

Очень трудно писать "воспоминания". Обычно как-то у всех авторов, решившихся на это, получается так, что они прежде всего с той или иной степенью подробности и с очевидным благорасположением рассказывают о себе. Это главный недостаток такого рода литературы и его, вероятно, не смогу избежать и я.

Кроме того, следует предупредить, что М.И. был внешне очень сдержанным, строгим, холодноватым и закрытым. К этому его приучили обстоятельства той эпохи, в которой он жил и работал. М.И. очень скупой рассказывал о событиях своей жизни. Возможно, ему просто претило вслух упиваться своими успехами или наоборот — на людях перебирать неприятности и поражения, предательства друзей и злобу врагов. Всегда казалось, что он был неизменно выше этого.

Понятно, что эти его качества не способствовали установлению тесных контактов с ним, что особенно невозможно было для младших коллег и учеников. Я тоже совсем немного слышала его рассказов о самом себе, да и вообще он редко находил время для разговоров — работа занимала у него не менее 14-16 часов в сутки.

* * *

К стыду своему должна признаться, что впервые услышала о существовании ученого по фамилии Артамонов только в 1949 г.

В тот год я сдавала вступительный экзамен в аспирантуру ИИМК. Экзаменационная комиссия была весьма представительна: Т.С.Пассек, Б.А.Рыбаков, А.П.Смирнов, Н.Н.Воронин. В конце моего ответа о скифах меня попросили назвать основных "скифологов". Я рассказала о Гракове, спецкурс которого слушала с удовольствием, Ростовцеве, поскольку читала его книги, а далее — замолчала. Татьяна Сергеевна не выдержала и подсказала — "Артамонов". Я не знала такого ученого. Никто из московских профессоров — ни Киселев в курсе "бронзы", ни Рыбаков, увлекательно рассказывавший нам о "Салтове", ни скифолог Граков ни разу не упомянули даже имени ленинградского коллеги, всего 4 года назад бывшего директором Института, в котором они работали, написавшего к тому времени ряд великолепных "краеугольных" статей по тем проблемам, которых они касались в своих лекциях, и защитившего в 1941 году докторскую диссертацию по теме "Скифы".

В ответ на мое недоумение Пассек рассмеялась, а у Воронина дрогнуло лицо. Экзамен на этом и кончился.

Долгие годы я не понимала, да и не задумывалась, почему же засмеялась Пассек. Ведь в то время я не знала о "методе замалчивания", пожалуй, самом эффективном в борьбе с соперниками или просто с работающими рядом коллегами, поскольку он фактически почти неуловим, а значит и не наказуем — на него трудно ответить, не прослыв мелочным карьеристом. Да и оскорбительно замечать! Но оба бывшие ленинградцы — коллеги М.И. — заметили ...

Что касается пробела в моем научном образовании, то я быстро заполнила его, запоем прочитав почти все, что написал и опубликовал М.И. Более всего меня поразило тогда невероятный размах его научных интересов: древнерусское искусство, Хазарский каганат, происхождение славян, этногеография Скифии и, наконец, катакомбные погребения эпохи бронзы. И все вместе это была история нашей страны. Если бы не характерный спокойный логический стиль этих работ, строгая аргументация, построенная на конкретном материале, можно было подумать, что написаны они учеными нескольких специальностей. Читая их, я впервые увидела и поняла какое громадное значение имеют археологические источники при решении самых широких исторических проблем. Моей диссертационной темой были так называемые "поздние кочевники" (печенеги, тюрки и половцы) и, естественно, что меня особенно увлекали его книги и статьи, посвященные исследованиям и проблемам степного средневековья.

Второй мой шаг на пути знакомства с М.И. был сделан в следующем 1950 году. Весной я обратилась к своему научному руководителю Б.А.Рыбакову с просьбой взять меня в свою экспедицию. К сожалению, состав его экспедиции был уже сформирован и он отказал мне. Однако, поскольку в тот год требовались молодые археологи в большую новостроечную Волго-Донскую экспедицию, Борис Александрович посоветовал мне ехать туда и написал начальнику экспедиции М.И.Артамонову соответствующую просьбу о включении меня в ее состав. Положительный ответ с уведомлением о сроке и месте (ст. Цимлянская) явки был получен. Так, в середине июля я оказалась в Цимлянской.

Экспедиция еще не прибыла и в сельсовете о ней вроде ничего не знали. Стало как-то неуютно, т.к. денег у меня совсем не осталось. Но стоило мне заговорить с сидевшими на сельсоветовской лавочке стариками об Артамонове, как я получила массу сведений о раскопках в Саркеле, о месте базы экспедиции (в 7 км от станицы, в бывшем хуторе Попове), о том, что в ней уже живут какие-то женщины-ленинградки. Кроме того, меня направили на квартиру к старой казачке, которая охотно согласилась кормить меня бесплатно до появления "начальника". Оказалось, что все старые цимлянцы помнили его еще с первой экспедиции (1934-1936 гг.), с большим уважением и одобрением отзываясь о нем.

На другой день я сбегала на "базу", познакомилась с "ленинградками", которые дали мне взаймы денег, осмотрела расположенное рядом городище, а также целую улицу палаточного городка. Не без страха покосилась на огороженный колючей проволокой с вышками по углам квадрат "зоны" для будущих рабочих. Их на днях должны были пригнать сюда. В общем, все было готово к приезду экспедиции. Поскольку меня не пригласили жить на базе, я вернулась в станицу и там

каждый день на пляже поблизости от парома мы с еще одной девушкой-ленинградкой ждали машин, которые должны были привезти сотрудников экспедиции с Ростовского вокзала. Полагая, что вместе со всеми придут и "Артамоновы" (мне уже рассказали о наличии у М.И. очень "капризной и властной" жены), я очень волновалась и ждала эту встречу как грядущее серьезное испытание. Наконец три машины с орущей веселой ордой студентов появились у переправы. Мне сообщили, что начальство уже на базе и ждет нас всех. Мы вкинули свои рюкзаки в общую кучу, влезли в кузов и покатали по заросшей высокой травой, чуть видной дороге в Саркел. Студенты в машине встретили меня чудесно, сразу прозвали "аспирантом", поняли мой страх перед "обрядом представления" и настоятельно советовали не ошибиться и не назвать М.И. "Михаилом Артамонычем" (он будто бы очень гневается на ошибающихся).

Вот и база. На площадке перед "столовой" суета, все чужие, незнакомые лица. Все заняты. Пока мы подъезжали, тормозили и разворачивались, мне показали стоявших несколько в стороне Артамоновых. М.И. — невысокий седой очень красивый джентельмен в белом костюме и белой панамке — стоял, строго поблескивая (так мне показалось) очками. Ольга Антоновна — тоже в белом платье и панамке, улыбалась и сверкала из-под полей панамы огненными черными глазами. Мне они оба сразу ужасно понравились, тем более, что рядом вертелся красавец-эрдель, с которым позже у меня сложились очень дружественные отношения. Тем не менее, с великим трепетом я подошла к ним, представилась и, конечно, заходясь ужасом, назвала М.И. "Михаилом Артамонычем" (синдром "Идиота"!)). Вопреки ожиданиям, кары не последовало и все засмеялись. М.И. сказал несколько "добрых" слов, а О.А. — ввела в курс будущей работы и жизни в лагере. Уже зная, что мне важны кочевнические курганы, она сказала, что я буду работать на беловежском могильнике под ее руководством, а после того — на курганах. Это было понятно: нужно было проверить, смогу ли я вообще работать, можно ли мне поручить дело. В первые недели ко мне на могильник поставили даже (для контроля?) Клейна, кажется, в том году только что окончившего ЛГУ, но еще в 1949 г. зарекомендовавшего себя в качестве полевого работника с наилучшей стороны.

Стало совершенно ясно, что обо мне заранее подумали и учли мои интересы. Уже в этом чувствовалась твердая "руководящая" воля и желание помочь начинающей трудный путь в науке молодой девушке. В Москве на кафедре А.В.Арциховский заявлял во всеуслышание, что археология не женская наука и ни разу не удосужился поговорить со мной (его дипломницей). Б.А.Рыбаков тоже за весь первый год аспирантуры не нашел времени поинтересоваться, чем же я занимаюсь и как живу. Надо сказать, что это небрежение почти убедило меня в моей научной несостоятельности или, во всяком случае, в ущербности. Здесь, в экспедиции, не делили сотрудников по антропологическим признакам (пол, возраст и пр.). Артамоновы всегда выслушивали мнение самого молоденького студента (студентки) и относились к нему с серьезным вниманием.

В результате, несмотря на очень тяжелые условия работы и жизни, в экспедиции постоянно ощущался творческий подъем, без которого там нельзя бы было существовать. И это настроение держалось на незаметной для молодежи ежедневной работе с нами М.И. и О.А., игравшей роль своеобразного допинга для всей

экспедиции (около 100 научных сотрудников и 100-120 рабочих-заклученных женщин). Даже горячие гневливые "выпады" А. Л. Якобсона на О. А., протестовавшего против ее вмешательства в руководство "его раскопом", были, по существу, проявлением равнодушия к делу всех участников дискуссий. М. И. в них был обычно третьей стороной. Это великолепно отражено в сатирическом рисунке студента-художника М. Девяткова, очень точно и тонко поймавшего момент спора (рис. 1)*.

Ежедневно, во второй половине дня М. И. обходил все раскопы, внимательно следил не только за открытием и расчисткой новых объектов, за их фиксацией архитекторами, но и за работой сотрудников на участках, особенно, конечно, за студентами, несколькими скупыми словами делая необходимые указания, похваливая добросовестных и беспощадно относясь к безделью и инертности. Редко, но бывало, что прогулявший ночь студент засыпал в пыльном пекле раскопа, а рабочие на участке срезали без расчистки полы жилищ и даже сгоревшие на них деревянные вещи. Это не прощалось: объяснения и извинения не принимались.

Понимая, что молодежи нужна разрядка, М. И., вопреки возражениям О. А., не протестовал, когда мы, соблюдая "максимальную конспиративность", поздними вечерами сбегали из лагеря в станицу и там, чувствуя себя лихими кутилами, пропивали в местной забегаловке присланные любящими мамами и бабушками деньги. Оправданием нам может быть только то, что кормили в лагере неважно, есть хотелось и брали на закуску очень вкусную "поджарку", запивая ее чудесным игристым "Цимлянским". Разумеется, Артамоновы знали об этих довольно частых эскападах. Однажды М. И. выручил меня. Получилось так, что я должна была за бутылку Цимлянского отдать часы. Буфетчица взяла их у меня и на следующий день передала тоже зашедшему в забегаловку М. И. А вечером я была вызвана "на ковер" в палатку начальства. Сгорая от неловкости, получила часы с небольшим назиданием более не "закладывать". Надо сказать, что все, кто отправлялся ночью в Цимлянскую, считали делом чести выйти на работу, конечно, без опоздания (в 5 утра) и "вкалывать" все положенные 9 часов (мы работали вместе с зеками, поэтому день был продленный, а неделя — шестидневная). В каждое воскресенье, в 10 часов утра М. И. проводил "обход" всех раскопов, в котором обязаны были участвовать все научные сотрудники экспедиции. Докладывали обычно начальники раскопов, но нередко М. И. просил дополнить рассказ начальника студентов, ведущих отдельные участки, приучая их тем самым думать на раскопе, понимать и ставить задачи, обобщать конкретные наблюдения. Это было волнительно и интересно всем нам — начинающим археологам. Каждый думал, слушая товарища, о том, что он сам может сказать о своем участке и готовился к этому. М. И. в конце "обхода" кратко и четко подводил итоги сделанному за неделю. Иногда М. И. проводил как бы экспромтом беседы с молодыми археологами, которые по его мнению были достаточно подготовлены и заинтересованы памятниками, исследуемыми экспедицией: курганами "бронзы", сарматскими "впускниками" в насыпях этих курганов, хазарским средневековьем, беловежскими и кочевническими древностями XI-XII вв.

* Рисунок был обнаружен мной на обратной стороне одного из полевых чертежей. М. Девятков работал в Саркеле в качестве архитектора-чертежника.

Популярные лекции о раскапываемом городище на моей памяти несколько раз проводились и работавшим там женщинам-зекам. Для этого их под конвоем приводили на склон глубокого беловежского рва, они по команде усаживались, конвойные солдаты-узбеки караулили их, а М.И., стоя на дне рва, как бы на сцене амфитеатра, очень серьезно, но вполне популярно, рассказывал им о хазарах, Византии, о значении работ в Саркеле, т.е. о важности его изучения для нашей истории. Аналогичные лекции читались им и в центре концлагеря начальникам, охране, зекам. Но туда мы не допускались. Время было жестокое, любой просто за неосторожное слово мог загреть в зону, как например, вторично попал за колючую проволоку Л.Н.Гумилев, еще в 1949 г. — свободный участник Волго-Донской экспедиции.

Самое искреннее желание помочь, сочувствие несчастным заключенным женщинам никогда не демонстрировалось М.И., но подчеркнутая предельная ласковая вежливость к ним его самого и О.А. создали в нашем лагере атмосферу всеобщего дружеского расположения к заключенным. Следует напомнить, что в числе "вольных" сотрудников нашей экспедиции было несколько недавних зеков, вернувшихся живыми после трудового перевоспитания домой и зачисленных М.И. в состав экспедиции. Это были ученые, которые весьма способствовали успешной работе экспедиции и общей увлеченной и благорасположенной обстановке, сложившейся в ней.

Обычные постоянные поездки к лагерному начальству в Ростов и даже в Москву, абсолютно необходимые для продолжения экспедиционных работ (эти заботы знает каждый археолог-начальник большой экспедиции), а также частые посещения других исследуемых Волго-Донской экспедицией объектов (отряды Ляпушкина, Иессена, Столяра) дополняют картину занятости М.И. экспедиционными делами.

Однако его летняя загруженность этим не ограничивалась. Каждый день, проведенный в лагере, с раннего утра до обеденного перерыва, т.е. примерно с 5 до 12 часов, он работал над своей будущей замечательной книгой о хазарах. Изредка, когда мне приходилось проходить мимо "артамоновской" палатки, я слышала стук машинки. Не исключено, что он давал себе "урок" на день — написать какое-то количество страниц, естественно, обработав для этого один или группу источников. В периоды особенной загрузки это один из наиболее эффективных "методов" первичного написания книги, требующий, как правило, последующего тщательного редактирования рукописи. Поскольку я знаю, что М.И. спустя несколько лет еще работал над рукописью, думаю, что именно в Саркеле он и писал, а скорее набрасывал, ее отдельные части.

К сожалению, времени для собственной научной работы у него оставалось все меньше и меньше. В 1951 г., когда М.И. был "высочайшим повелением" назначен директором Гос. Эрмитажа, он исчезал из Саркела надолго. Вся тяжесть руководства этой громадной и "разноголосой" экспедицией упала в том году на О.А., ставшую официальным "замом", и нескольких ее помощников, главным из которых был А.Д.Столяр.

В последующие годы я была довольно тесно связана с семьей Артамоновых. После защиты в 1952 г. кандидатской диссертации я стала заниматься исследова-

нием степной культуры, предшествовавшей печенего-половецкой и получившей в археологической литературе название "салтово-маяцкая". Фактически это была синкретичная государственная культура Хазарского каганата. Естественно, что Саркел стал для меня исходным-эталонным памятником. Стало традиционным каждый год один месяц работать в Ленинграде над материалами Саркела и других памятников, относящихся к этой и синхронных с ней культур европейского юго-востока нашей страны.

М.И. тогда, как директор Эрмитажа, занимал не только обширный роскошный кабинет, но и прилегающие к нему помещения, в которые вела из кабинета незаметная маленькая дверца в одной из стен. Другая дверь в эти помещения выходила прямо в открытый для посетителей эрмитажный коридор. От этой двери поднималась узкая винтовая лестница на второй этаж, где находились две большие комнаты — "штаб" Волго-Донской экспедиции. В нем царил О.А. и ее помощницы — сначала "саркелка" Ирина Тупиц, а затем пожилая глухая дама Наталья Иосифовна Бавер. Здесь хранились, разбирались, перепечатывались и т.д. многочисленные материалы этой и других экспедиций М.И., готовились к изданию и редактировались все три тома Трудов Волго-Донской экспедиции (МИА, №№ 62, 75, 109), подбирались иллюстрации к "Истории хазар" и т.д.** Сюда постоянно забегали "на огонек" разные люди, прежде всего, конечно, бывшие саркельцы, работавшие и не работавшие в Эрмитаже, но крепко сплотившиеся вокруг "штаба", а также друзья и ученики М.И. — эрмитажники, сотрудники Института археологии, молодежь и профессора ЛГУ, приезжие из других городов СССР и зарубежных гости.

Сюда же приходил на короткие передышки от директорства М.И., пил крепкий чай, посасывал валидол, с великим удовольствием включался в разговоры. Впрочем, "отдыхом" для него являлись и обсуждение очередного тома "Трудов", и компановка иллюстративного материала, и даже обсуждение отдельных статей, внимательно прочитанных дома, с авторами, являвшимися для разговора. Нередко он делал им весьма существенные замечания или давал советы. Они не всегда и не всеми принимались, но М.И. ни разу не потребовал, пользуясь правом редактора, исправить неверный, по его значительно более эрудированному мнению, вывод, руководствуясь убеждением, что все ученые имеют право на собственную точку зрения.

Приезжая в Ленинград, я много времени проводила в "штабе", работая преимущественно с саркельскими материалами. Сначала я останавливалась в гостинице Дома ученых (Халтурина, 27). Это было удобно, т.к. одинаково близко от Эрмитажа и Института археологии. Отношения ко мне М.И. и О.А. оставались по-прежнему очень сердечными. Они оба настоятельно приглашали меня жить не в гостинице, а у них дома. Вот поэтому, примерно на протяжении десяти лет, я, появляясь в Ленинграде, ехала прямо к ним домой.

В те годы М.И., как директору Эрмитажа, "выдали" наконец отдельную квартиру на улице Марата. До этого они жили в "коммуналке" на Васильевском

** Подавляющее большинство массовых находок (в основном — керамических обломков) хранилось и сейчас хранится в одном из отсеков эрмитажных подвалов или, вернее — полуподвалов, окна которого с мощными решетками смотрят на Адмиралтейство.

острове — я там не бывала. "Новая" четырехкомнатная квартира находилась в типичном ленинградском (петербургском) многоквартирном доме с двором — каменным колодцем со штабелями напиленных и нарубленных дров, уложенных вдоль глухих боковых стен соседних домов. Дом отапливался еще печами — круглыми, обтянутыми железными листами "цилиндрами", стоявшими в углах комнат. Квартира была большая, но с удивительно неуютной планировкой: все четыре комнаты были вытянуты вдоль длинного узкого темного коридора. Кабинет М.И. — первая дверь в этом коридоре — находился напротив входной двери. В следующей комнате располагалась О.А., в остальных двух жили отец М.И., сын Олег и дочь Ирина. Кухня была владением домработницы Гали, которая и после отъезда из города в связи с рождением дочки, еще долгие годы оставалась близким другом, а иногда и помощником семьи Артамоновых. В коридоре жил эрдель Бемби.

Несмотря на некоторую перенаселенность (помимо семьи в доме наездами жили не только я, но и многие друзья и родственники из Москвы и других провинциальных городов), квартира отличалась "интеллигентностью". Этому способствовала громадная библиотека М.И. (свыше 15 тыс. томов, не считая беллетристики). Книги, сообразно своей профессиональной направленности и вкусам, читали все, кроме, вероятно, деда. Дед был очень высокий и такой же как сын замкнутый и даже мрачноватый старик с бородой и большим "ястребиным" носом. Я жалею, что ни в один из приездов так и не смогла решиться заговорить с ним. Мне казалось, что он не слишком одобряет постоянную толкотню в квартире чужих людей. Когда их набиралось за обеденным столом более двух, он даже предпочитал обедать раньше остальных и на кухне. В этой новой квартире, насколько мне помнится, он прожил немного — не более двух лет. О его смерти я узнала из письма О.А. Ничего нам, саркельцам и молодым друзьям М.И., не осталось от его отца, кроме одной явно одобрительной оценки карьеры сына: "Ну, Минька — молодец! Я на карауле у дверей царского дворца стоял, а он там директором назначен...".

Начало 50-х годов стало для М.И. очень тяжелым временем. Еще не была закончена саркело-беловежская экспедиция, как в "Правде" вышла маленькая гаденькая заметочка какого-то "Иванова" о завышенной роли в советской науке хазарского иудейского государства. Поскольку это случилось в разгар борьбы с врагами народа врачами-"отравителями", удар по только что принявшему дела директору Эрмитажа был почти "сногшибательным". Но М.И. устоял. Тогда началась новая травля — за "марризм". М.И. и здесь выстоял. Я помню, как проходила сессия ИИМК и как один за другим, как на плаху, взбирались на трибуну обвинители и "кающиеся". Противны были те, кто покайсявшись немного, обрушивались на коллег, предъявляя им нелепо и страшновато звучащие обвинения в марристском искажении марксизма. М.И. тоже, конечно, выступал, разобрал свои "заблуждения", но, по существу, не затронул в своем покаянии "стадиальности". Много позже я поняла, что марристская теория стадиальности правильна, только ее, как всякую теорию, не следует использовать, не имея для того достаточно фактов и материалов. Мне приятно вспомнить, что М.И. не упомянул фамилий ни одного "заблудшего" ученого и никого не назвал "марристом".

Тем не менее, хорошо организованная травля лично М.И. состоялась и продолжалась. М.И. замыкался и с головой уходил в работу. При мне он только один раз высказал свое отношение к ней. В ответ на мой сильно взволнованный рассказ о коте, брошенном в Фонтанку, которого я не смогла спасти, он задумчиво и горько сказал: "Да-а, в Ленинграде кошек топят, а в Москве — людей..." и поспешно ушел в кабинет.

В ОПИ в 1952 г. отказали М.И. в выдаче открытого листа, мотивируя это задержкой сдачи отчета о раскопках Саркела - Белой Вежи в 1951 г. Возможно, что М.И. и не особенно стремился к продолжению работ в нижнедонских страшно жарких и суховейных степях, хотя памятников, нуждавшихся в исследовании, там было, несмотря на частичное затопление, еще много. Он предпочел продолжить прерванные Волго-Донской экспедицией раскопки в Южной Подолии и в Болгарии, где возглавил первую Болгаро-Советскую экспедицию, исследовавшую славяно-праболгарское селище у с. Попина.

Однако, вскоре полевые работы пришлось прервать, т.к. стало очевидно, что проводить широкомасштабные раскопки летом, зимой писать книги, готовить отчеты и издание Трудов ВДЭ, быть профессором и зав. кафедрой и ко всему этому ежедневно нести груз дел и ответственности директорства Эрмитажа просто нереально. Надо было от чего-то отказываться. По-видимому, это вынужденное прекращение полевой деятельности и неослабевающий интерес к хазарской истории и культуре привели его к мысли поручить мне в 1958 г. раскопки на исследовавшемся им самим и его учеником Ляпушкиным Правобережном Цимлянском городище. Денег на это дело было выделено очень мало — всего 15 тыс. (до девальвации!). Вместе со мной были откомандированы еще две его ученицы — "саркелки" Ксана Каспарова и Злата Львова. Сразу после снятия дернового слоя наши находки оказались столь интересными, что я сочла возможным написать о них М.И. задолго до окончания работ. И вот, совершенно неожиданно, перед домиком, в котором мы снимали комнату в Цимлянском винсовхозе, появилась хорошо знакомая потрепанная артамоновская "победа" с пыльным выцветшим брезентовым верхом, важно сидевшим за рулем Олегом, только что закончившим физфак ЛГУ, и усталыми, вылезавшими из машины, улыбающимися М.И. и О.А. Все были в восторге! Мы — от радости видеть и принимать их, а они, вероятно, от нашей бурной радости. Олег тогда собрался жениться (мне "по секрету" сказала О.А.), а перед женитьбой взялся провести родителей через всю европейскую Россию — от Ленинграда через Ростов в Цимлу, а затем в Предкавказье (не помню, на какие исследовавшиеся там памятники). К родителям он относился с любовью и милой предупредительностью, но археологию со своих позиций физика называл "папины и мамины игрушки". Однако нас считал, очевидно, неизбежными для этих игр дополнениями и был идеально вежлив и снисходительно доброжелателен.

На раскоп мы, после небольшого отдыха, пошли в тот же день. Мы не без гордости показали выявившиеся в сером предматерике пятна жилищ, расположенных по кругу — "курением", начатую расчистку двух первых жилищ — явно наземных юрт с жердевой конструкцией стен, в которую немедленно включилась О.А., диргема, спрятанные в сапоге убитой женщины. Внимательно выслушав мои пространные стратиграфические наблюдения, М.И. одобрил их и заметил:

"Хорошо Вас вышколил Борис Александрович" (он знал, что я три года работала в Таманской экспедиции Рыбакова). Был конец августа, на Дону в этот период ежегодно резко холодает. Несмотря на это, Артамоновы пробыли у нас еще два дня. М.И. обошел, видимо вспоминая молодость, когда он был здесь впервые, окрестности городища, с удовольствием, понятным любому археологу, наблюдал за расчисткой жилища, обратив наше внимание на черный слой "сажи", расстелившийся по поверхности сгоревшей постройки, и предположил, что это могут быть следы сгоревшего, как бы "опавшего" покрытия юрты (войлочного, кожаного ?).

Результаты работ на городище были частично использованы М.И. в "Истории хазар", пожалуй главном его труде, на создание которого было потрачено 25 лет жизни. Гонения на "неразумных хазар" в начале 50-х годов несомненно явились одной из основных причин значительной задержки работы над этой книгой. Второй, тоже весьма существенной причиной было "директорство" в Эрмитаже, отнимавшее у него каждый день не менее 7 часов лучшего времени суток. Для научных занятий необходимо было выкраивать "свободное от работы время". М.И. вставал в 6 утра, варил на кофеварке в кабинете чашку крепкого кофе и до 9 часов писал или редактировал "Хазар". Потом быстро завтракал и без двадцати 10 выходил к машине, которая и доставляла его в Эрмитаж. Домой, если не было разных заседаний и собраний, он приезжал в 18 часов, обедал и садился в кресле "смотреть телевизор" (как правило, хоккей) и моментально под звуки озеровских комментариев засыпал до 20.00. Затем пил чай и до полуночи читал всю поступавшую ему периодику (преимущественно археологические журналы и сборники — наши и зарубежные) и новые книги. Надо добавить, что он просматривал и научно-популярные, и художественные журналы, читал все заслуживавшие внимания литературные новинки, в том числе машинописные или напечатанные за рубежом. И так изо дня в день. Только в воскресенье он позволял себе несколько расслабиться и, немного поработав над книгой, ходил гулять и изредка даже ездил на дачу.

В то время в семье произошли кардинальные изменения. Была получена новая квартира на Наличной, выстроена дача, Ирина вышла замуж за симпатичного моряка-инженера и "отделилась", Олег женился, а Бемби умер. Квартира была прекрасная, светлая и просторная (четыре большие комнаты). Книги и здесь были всюду и занимали, помимо кабинета, шкафы и стеллажи в коридоре, комнате О.А., комнате Олега с женой и столовой.

Несмотря на бесконечные дела и сложности, связанные с музеем — от реставрации паркетных драгоценных полов до боевых стычек с Фурцевой, раздраженной свободомыслием и оригинальными художественными вкусами директора Эрмитажа, — жизнь М.И. и личная, и научная вошла в определенное устойчивое русло. Результатом было прежде всего окончание "Истории хазар" и выход книги в свет в созданном энергией М.И. издательстве Эрмитажа (1962 г.). Редактором ее стал выпущенный наконец на волю самый талантливый ученик М.И. — Л.Н.Гумилев, который при активной помощи учителя стремительно, кажется через год после возвращения, защитил докторскую диссертацию. В 1959 г. он по предложению М.И. отправился в разведки — поискать затерянный в песчаных волжских перекатах Итиль, а в дагестанских степях и предгорьях — древние города Хазарии. Экспедиция функционировала пять сезонов, но обнаружить искомые памятники не

удалось. Результаты ее работ художественно описаны в книжке Л. Н. "Открытие Хазарии". В те же "устойчивые годы" завершила свой весьма значительный труд о беловежских могильниках и О. А. Ее монографическое исследование вышло в следующем после "Истории хазар" году в 3-м томе Трудов ВДЭ. Планировалось подготовить и издать материалы раскопок Саркела - Белой Вежи еще в двух томах Трудов. О. А. активно включилась в работу над "городищенским" материалом.

Творческий подъем распространился и на общественную, и на административную деятельность М. И. Помимо создания самостоятельного эрмитажного издательства, по инициативе "мятежного" директора были организованы не угодные государственному руководству выставки: Пикассо и тогда еще никому неизвестного Шемякина. М. И. часто выступал с лекциями в лектории Эрмитажа и по телевидению, став очень популярным в Ленинграде человеком — его узнавали люди, совершенно не связанные с наукой и искусством. Случилось однажды, что утром машина не пришла за ним (кажется, заболел шофер) и М. И., взяв такси, не успел даже сказать куда ехать, т.к. таксист перебил его: "Знаю, знаю, Михаил Илларионович! В Эрмитаж".

Однако же вновь налетел шквал, сломавший сложившееся было течение жизни. В 1964 г. М. И. вынужден был, согласно капризу далекой от какой-либо культуры женщины, занимавшей пост "министра культуры" (Фурцевой), уйти из Эрмитажа. Он часто говорил, что Эрмитаж — тяжкий камень на его шее. Но пока этот камень (вообще-то бесценный алмаз) висел на шее, он стал не только привычен, но от включения в него собственных сил и нервов, и необходимым, и любимым. Многие сотрудники музея искренне горевали, хотя Эрмитаж попал тоже в хорошие и заботливые руки нового директора — Б. Б. Пиотровского. Поскольку М. И. никому не давал ни малейшего повода думать, что эта потеря для него болезненна и оскорбительна, сочувствие ему высказывалось очень сдержанно и деликатно. Например, зрители в залах, всегда встававшие при входе в зал директора музея Артамонова, продолжали вставать и после, в тех редких случаях, когда он приходил в Эрмитаж.

Естественно, пришлось "передислоцировать" архив ВДЭ из помещений, примыкавших к директорскому кабинету, в одну из комнат ОИПК, предоставленную в полное распоряжение О. А. и Н. И. Бавер. В этот переезд были перепутаны многие уже разложенные в порядке материалы, что, конечно, сильно затянуло работу над составлением отчетов и, тем более, статей. А потом О. А. заболела, а Бавер умерла... Полевые чертежи, описи, дневники были еще раз перенесены — теперь уже на квартиру, в комнату О. А., ставшую ее рабочим кабинетом. На М. И. легла постоянная (повседневная) обязанность ухаживать за смертельно больной, не сдававшейся, но медленно двигавшейся к концу жизни женой. Однако оба они нашли в себе силы бороться с бедой, работой заглушая боль, беспокойство, горе. О. А. продолжала оставаться почти до смерти хозяйкой большой семьи (в доме появилось уже трое внуков), в квартире которой всегда кто-то гостил или просто "забегал". Кроме того, она, несмотря ни на что, решила хотя бы попытаться подготовить материалы Саркела - Белой Вежи к отчетам и, по возможности, успеть начать писать Отчет о раскопках 1951 г.

М.И. по-прежнему оставался зав. кафедрой археологии ЛГУ и читавшим лекции профессором. По отзывам (сама я ни разу не была на его занятиях) его курсы лекций были в высшей степени содержательны и информативны. В них обычно присутствовали элементы творческой дискуссионности, что придавало им особенную привлекательность для студентов. Много позднее удалось издать один его курс, посвященный киммерийцам и скифам. Это безусловно очень увлекательная и полезная книга.

Университетская нагрузка, конечно, не отнимала у М.И. столько времени, сколько он тратил на Эрмитаж, тем более, что директорство в музее он, как говорилось выше, совмещал с работой в университете. Для него открылась, вероятно впервые в жизни, возможность отдавать себя любимой науке, причем не как ранее — только в свободное от работы время, но нередко и в полноценные дневные часы. Для М.И. начались годы большой напряженной исследовательской работы. Это прекрасно прослеживается хотя бы по списку его печатных работ. Характерно, что за последние оставшиеся ему 7 лет он написал более 40 % научных работ, различных по объему: от тезисов докладов до больших монографий о скифском искусстве, издававшихся в Париже, Лондоне, Праге и в издательствах обеих наших столиц: Москве и Ленинграде. В этот период М.И. преимущественное внимание уделял скифской проблематике, которую почти полностью оставил во время интенсивной работы над завершением книги о хазарах. Однако раннее средневековье и в этот "скифский период" по-прежнему привлекало его. Он предлагает свою концепцию происхождения пастырской (пеньковской) культуры и связанных с ней контактов славян и кочевников-праболгар. В своих выводах и гипотезах он опирается на материалы ежегодно открываемых в те годы по всей лесостепи все новых и новых пеньковских поселений, объясняя оседло-кочевнический характер их быта смешением разноэтничных народов с разными хозяйственными укладами. Обращался он и к проблемам происхождения славян, сложения древнерусского государства, продолжал интересоваться поисками хазарских памятников.

В 1968 г. М.И. решил даже организовать и возглавить экспедицию в Дагестан, где на берегах рек и в предгорьях был известен ряд раннесредневековых крепостей и укрепленных поселений, которые возможно могли быть хазарскими или же принадлежать к хазарской эпохе. Сотрудниками экспедиции он хотел видеть Гумилева и меня, поэтому я и узнала о его планах. Им не пришлось осуществиться: О.А. уже почти не могла передвигаться по квартире и, к тому же, она хорошо знала о том, что сердце у М.И. совсем неважное и ехать на южное беспощадное солнце ему нельзя.

Несмотря на затруднительность длительных отлучек из дома, М.И. принимал деятельное участие в работе конгрессов, конференций, симпозиумов, ежегодно проходивших в различных городах нашей страны (Ленинграде и Москве, Тбилиси, Кишиневе, Киеве, Одессе) и за рубежом (в Софии, Варшаве, Берлине). Интересно сложилось, что на конференциях в СССР его доклады, в соответствии с основным направлением его исследований, были посвящены истории и культуре скифов и киммерийцев, а доклады на конференциях с преобладанием иностранных слушателей — дискуссионным вопросам раннесредневековой истории славян, ругов и степняков, поскольку и сами конгрессы посвящались славянской археологии

и проблемы этнических контактов особенно живо волновали ученых-участников этих конгрессов.

В октябре 1971 г. умерла О.А. Мне об этом по телефону сообщила каким-то "тусклым" голосом Ксана Каспарова, которая, как и я, была очень привязана к О.А. Я приехала в Ленинград на следующее утро. После похорон М.И. просил меня задержаться и помочь разобрать архив, оставшийся от О.А. Все материалы, относящиеся к раскопкам Саркела - Белой Вежи, он предложил мне взять с собой в Москву и попытаться сделать то, что не смогла завершить О.А.: полный Отчет о раскопках на этом памятнике в 1949-1951 гг. С громадным опозданием, но мне все-таки удалось выполнить это поручение М.И. В 1993 г. работа была закончена. В этом сборнике помещена наша общая с О.А. статья — публикация результатов работ на одном из самых важных участков городища — цитадели. Именно с него начала работу над Отчетом О.А., успев написать раздел о верхних самых поздних напластованиях Белой Вежи и сделать первые "наброски" стратиграфии культурного слоя на нем.

Весной 1972 г. М.И. внешне бодрый и энергичный ездил в Одессу на украинскую археологическую сессию со "скифским" докладом. А в июле мне опять позвонила Ксана Каспарова и по ее голосу я поняла какая беда случилась. М.И. умер от сердечного приступа, не пережив О.А. и года. Смерть была для всех неожиданной и потому еще более трагической. Еще в начале 1972 г. я получила от него последнее письмо. Оно было непривычно большое и подробное (раньше я получала только поздравления с Новым годом на красивых эрмитажных открытках). Он писал и думал о жизни — планировал длительные поездки в экспедиции, в которых хотел бы и мог участвовать, собирался поработать в разных архивах и музеях с новыми материалами, работать над проблемами происхождения славян, процессами сложения этносов и народов эпохи средневековья. Писал он, что не оставил мысли вновь заняться хазарами и, в особенности, хазарами в Дагестане и Крыму.

И вот все вдруг оборвалось. В момент смерти он редактировал и перепечатывал статью, которую нам удалось опубликовать в "Советской археологии" только в 1990 г., спустя 18 лет от его кончины. В том же номере журнала опубликована моя статья "Хазарские проблемы в археологии", посвященная 50-летию выхода в свет основополагающей статьи М.И. "Саркел и некоторые другие укрепления в Северо-Западной Хазарии". В ней даны главные направления в изучении многообразной и разноэтничной культуры Хазарского каганата и намечены те черты, которые позволяют считать ее государственной культурой Хазарии. Последующие археологические исследования самого М.И. подтвердили правомерность поставленной им в статье проблемы. Его ученики и более молодые единомышленники продолжают начатое им изучение истории и культуры этого степного государства. Однако время написания новой "Истории хазар" еще не наступило. Для того, чтобы вновь поднять эту громадную тему на более высокий источниковедческий уровень, необходимо, очевидно, не менее 50 лет интенсивных полевых исследований и их публикаций. Будет ли это возможно в XXI веке ?

Что же касается нас — сравнительно узкого круга учеников (преимущественно петербуржцев), то мы по предложению Олега Михайловича, ставшего главой семьи, в течение почти 20 лет собирались два раза в год — в памятные дни рождения обоих Артамоновых: О.А. — 14 марта и М.И. — 5 декабря. У нас выработался своеобразный ритуал этих "поминок". Сначала мы всей группой, возглавляемой Олегом, ехали в Парголово на кладбище — поклониться их общей могиле. Затем, сильно погрузневшие и замерзшие являлись на такую любимую квартиру, где нас ждал накрытый стол и милые лица жены (хозяйки), уже взрослых "девочек" и Пети — наследника и будущего хранителя славного имени Артамоновых. Хотелось бы, чтобы эта традиция сохранилась до конца наших дней. Будет она поддерживаться или нет, каждый из нас всегда в памятные дни вспоминает М.И. и задумывается о том, достоин ли он называться его учеником.

↗↑

Рис. 1. *Дискуссия в разгаре.* Сатирический рисунок художника-архитектора М.Девятова, сделанный на обороте полевого чертежа 1949 г.

Слева направо: 1 - М.И.Артамонов с Бемби; 2 - О.А.Артамонова; 3 - А.Л.Якобсон; 4 - таинственный Ю.Гузенко — фотограф и, по всеобщему убеждению, приставленный к экспедиции или лично к Артамонову капитан КГБ; 5 - В.А.Петров — палеоботаник и также весьма "таинственная" фигура.